Д.А. Редин

ОЧАРОВАНИЕ «РЕГУЛЯРСТВА» ЕЩЕ РАЗ О «МЕНТАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ» ПЕТРА ВЕЛИКОГО ЧАСТЬ 2. «РОССИЙСКОЕ ИМПЕРСКОЕ ГОСУДАРСТВО»*

Исследование посвящено эволюции воззрений Петра I на проблемы государственного и общественного развития. В первой части статьи было показано, что, несмотря на преобладающие в литературе представления о неспособности русского царя к концептуальным обобщениям, он обладал достаточным интеллектуальным потенциалом для подобного рода творчества. Во второй части автор статьи объясняет отсутствие у Петра I в 1690–1710-е гг. общего плана реформ тем, что в эти годы царь и не преследовал цели всеобщих преобразований, поскольку главным объектом его внимания была реформа вооруженных сил, а изменения в системе управления и организации экономики были лишь функцией этой реформы. Целостный и идеализированный взгляд на проблемы государственных реформ, который автор называет «ментальным», или «воображаемым» государством Петра Великого, сложился у монарха в последние годы жизни, в результате успешной военной реформы и знакомства с обширным и разнородным западным ренессансным и барочным литературным массивом. Это не была теория государства, но концепция государственного строительства, основанная на достаточно глубоком и последовательном усвоении постулатов раннего европейского камерализма. Она была изложена царем в цикле именных указов, уставов и регламентов 1718–1724 гг., который следует рассматривать в качестве авторского мегатекста Петра. Одновременно, эта концепция стала играть роль государственной идеи, заменившей для российской правящей элиты традиционную идею созидания священного царства. Нереализованные при жизни первого российского императора, сформулированные им концептуальные положения стали программным ориентиром государственного строительства и общественного развития на столетие вперед.

Ключевые слова: *Петр I, «ментальное государство», прагматическое мышление, концепция, государственное строительство, государственная идея, общественное благо, камерализм*

Очарование «регулярства»

Ренессансная и барочная культуры характеризовались переосмыслением ряда фундаментальных понятий, на которых покоились морально-политические устои средневековой Европы. Получившие распространение в обновленном (рационалистическом и индивидуалистском) виде с XVII в., логически взаимосвязанные философские теории *естественного права* и *общественного договора* (здесь и далее курсив мой. – *Д.Р.*) не только определили магистральное развитие общественной мысли, но обосновывали и объясняли необходимость перемен в устройстве государственного управления, организации общества и экономики, вызванных вполне объективными причинами: прогрессом производственных технологий, совершенствованием вооружений, колониальной экспансией и связанной со всем этим гло-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-09-42022 «“Ментальное государство” Петра Великого и эксперименты регионального администрирования. Первая четверть XVIII в.».

бальной перенастройкой международных связей. Модерные вариации теорий естественного права и общественного договора обусловили популярность представлений об *общественном благе*, или *общественной пользе* как выражения естественно-правовой справедливости и, одновременно, цели, к которой должны стремиться народы. Особая ответственность за достижение общего блага возлагалась на *светскую верховную власть*, в какой бы из форм она ни существовала.

Не обошли эти идеи и Россию; уже во второй половине XVII в., в усеченном, опосредованном виде, они, тем не менее, занимали некоторое место в умах отечественных «западников» допетровской эпохи, в риторике духовенства западнорусского происхождения, циркулировали в переводной литературе[1]. Петр, открытый новым знаниям, а значит и западным новациям, не только в общих чертах усвоил основные идеи означенных теорий, но и принял их (проинтерпретировав по-своему). Наиболее близкими юному монарху оказались мысли об *общественном благе*, тесно связанные с идеями о происхождении и долге царской власти. Риторика такого рода была вполне освоена государем довольно рано, о чем свидетельствует манифест от 16 апреля 1702 г., названный публикаторами «Полного собрания законов Российской империи» манифестом «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы исповедания»[2]. Начальные строки этого указа очень часто цитируются историками, когда они рассуждают о формировании «западнических» взглядов Петра I. Но комментария заслуживает весь документ, особенно его преамбула. Во-первых, потому, что он являет собой новаторское отношение царя к нормативному акту как к способу публичной коммуникации, с помощью которого стало возможно доносить до самой широкой аудитории не только волю монарха, облеченную в норму закона, но и мотивации, побуждавшие к принятию нормы. Во-вторых, потому, что в этом манифесте он кратко, но емко позиционировал себя как христианского просвещенного европейского государя, отказавшись от традиционных для его предшественников претензий на исключительную богоизбранность, связанную с принадлежностью к православию как единственно истинной форме христианского исповедания. Манифест начинался декларацией, что Петр с самого начала своего царствования был озабочен и прилагал старание к тому, чтобы все подданные «попечением нашим *о всеобщем благе* более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние». Таковое виделось государю в сохранении «внутреннего спокойствия», защите страны «от внешнего нападения» и в улучшении и распространении торговли. Царь подчеркивал, что был побужден также «учинить некоторые нужные и *к благу земли нашей служащие перемены*», сводившиеся к научению под-

[1] См., напр.: Лаппо-Данилевский 1990: 168–204; Лаппо-Данилевский 2005: 177–255; Лотман 2000: 39–59; Бугров, Киселев 2016: 57–82.
[2] ПСЗ. Т. 4. № 1910.

данных «ныне им неизвестным познаниям», в чем можно усмотреть одну из ранних петровских сентенций о пользе просвещения, хотя под «неизвестными познаниями» в данном тексте Петр понимал не просвещение вообще, а познания, ведущие к более искусному ведению все тех же торговых дел. Призвание на службу иноземцев монарх объяснял поиском дополнительных способов приведения государства в безопасность от нападения неприятелей, сохранения прав и преимуществ страны и поддержания всеобщего спокойствия в «Христианстве», т.е. во всем христианском мире, «как то христианскому монарху следует». Разумеется, поскольку Россия находилась в состоянии войны, обращение Петра в первую очередь адресовалось военным специалистам, но и «купно с прочими государству полезными художниками». Манифест гарантировал иностранцам не только свободу исповедания, но – и это было новацией – особую подсудность некой «Тайной военного совета коллегии», дела в которой будут рассматриваться на основании «Божеских законов», «по римскому гражданскому праву и другим народным обычаям», а также право отставки (и, по умолчанию, отъезда на родину, чего при прежних государях добиться служилые иноземцы просто не могли) на основаниях, которые «обыкновенно водятся у других европейских монархов». Текст манифеста, рассчитанный на западную аудиторию, был написан очень толково, оперируя ясными в этой среде понятиями и каждой своей строкой доказывая, что Россия – одна из европейских стран, жизнь и служба в ней строится на тех же основаниях, что и во всем христианском мире, а её монарх – надежный гарант счастья подданных и всех, кто захочет служить его скипетру.

В дальнейшем рассуждения об общем благе становятся одной из любимых тем петровских указов, а забота о нем – основой монаршего долга, фундаментом служения Петра. Через концепцию общего блага можно уяснить отношение царя к базовым понятиям общественного договора и естественного права. Долг правителя в деле обеспечения благоцветания подданных, безусловно, представлялся общим местом в морально-политической мысли барочной Европы. Как отмечал М. Раев, вследствие Реформации и ослабления политической роли церковной организации, перехода к регулярным армиям и связанным с этим инфраструктурным переменам в экономике, в странах европейского Запада значительно расширилась роль государства (светского правителя и его администрации) во всех сферах частной и общественной жизни, а соответственно вызрело убеждение в том, что «сильное независимое правительство и могущественный правитель являются необходимыми предпосылками для духовного и материального благосостояния подданных…»[3]. И если эти воззрения прежде всего возникают в протестантских государствах, то в тех или иных вариациях они распространяются во всех европейских странах того вре-

[3] Раев 2000: 51, 53.

мени. При этом вопрос о форме светской власти – монархической или республиканской – в этом смысле становится вторичным[4].

Долг доброго правителя в деле достижения общего блага оказывается одинаковым. Петру такая идея служения была близка. Она соответствовала его вестернизированному восприятию власти, но не противоречила и традиционным взглядам на природу и смысл царской власти: православный благочестивый государь по определению являлся источником блага и «тишины» для своего народа – эта идея была «отформатирована» русскими публицистами в спорах об отличии «истинного» и «злочестивого» царя еще в конце XV – XVI в. При этом «русским теоретикам была ближе римско-имперская мысль об эпифании – *непосредственном* воплощении божества в царе»[5]. Усиленная устранением из политического пространства церкви (в этом смысле Петр сначала фактической, а позже – юридической отменой патриаршества сделал ту работу, которую на Западе исполнила Реформация), эта мысль, с одной стороны, сняла вопрос о «договорных обязательствах между властью и народом», а с другой – облекла заботу об общественном благе в форму «патронального деспотизма»[6]. Отеческое отношение Петра к народу, отождествление последнего с детьми, которых следует воспитывать и приучать к добрым обычаям, в том числе и путем принуждения – один из устойчивых мотивов петровских указов и их «дидактических» интонаций[7]. Это тоже можно отнести на счет традиционного для России определения характера отношений между государем и подданными, но можно рассматривать и в русле того нового политического и морального дискурса, присущего барочной Европе[8] и усвоенного Петром под влиянием западных новаций. Вдобавок, принуждая своих «детей» к «ныне им неизвестным познаниям», ведущим к их же пользе, российский просвещенный монарх реализовывал цивилизаторскую миссию, «присовокупляя» подданных к числу цивилизованных «политичных» народов[9].

В рамках подобных представлений теоретические рассуждения об общественном договоре и тем более о естественном праве, едва ли были актуальны для Петра. Когда текущие политические обстоятельства чрезвычайного характера (вроде кризиса в отношениях со старшим сыном и обострившимся в связи с этим вопросом о престолонаследии) вынуждали его оправдываться в глазах общественного мне-

[4] Ср., напр.: «Все политические доктрины той поры исходят из того, что верховная власть существует для блага подданных». Лотман 2000: 50.

[5] Лотман 2000: 51.

[6] Там же.

[7] Воскресенский 2017: 350–351.

[8] О том, что, например, европейское камералистское полицейское государство представляло собой *не*-юридическую форму регуляции, организация в котором строится не на законе, а на представлениях монарха о благе народа и данных монархом установлениях, писал К. Трайб. Tribe 1995: 21.

[9] См.: Вульпиус 2012: 50–70.

ния (западного – в не малой степени) и искать дополнительные аргументы в обосновании своих поступков, он проявлял к ним интерес, прибегая при этом к профессиональной помощи специалистов вроде Феофана Прокоповича. В остальном же рассуждения о свободе воли, «естественных» и «искусственных» законах, соотнесенности свободы, равенства и собственности и прочие вещи были, похоже, для него избыточными. Показательно в этом смысле наставление Петра, данное им уже на склоне жизненного пути, в 1724 г., переводчикам неких «экономических на немецком диалекте книг»: «Понеже немцы обыкли *многими рассказами негодными* книги свои наполнят, толко для того, *чтоб велики казались*, чего, кроме самого дела и краткого пред всякою вещию разговора переводит не надлежит; но и вышереченной разговор, чтоб не празной ради красоты, но для вразумления и наставления о том чтущему был…»[10]. Обычно эту цитату приводят, чтобы лишний раз доказать пресловутый узкий прагматизм Петра. Но неприязнь к «многим рассказам негодным», которыми иные авторы злоупотребляют, стремясь, по его мнению, доказать свою ученость, могла корениться не только в практическом складе его мышления. Просто царь имел собственные и вполне ясные представления и о природе власти, и о «правах гражданских» (ярко и емко он изложил свой взгляд на этот вопрос в известном указе 1722 г.), и о наилучшей форме правления, а потому не особо нуждался в теоретических рефлексиях на этот счет. Может быть, именно поэтому сочинения Гоббса и Гроция красноречиво отсутствовали в его личной библиотеке, Х. Вольф интересовал его, скорее, как математик[11], а Пуфендорф – лишь как историк[12], равно как и лично знакомый ему Лейбниц, в чьем творчестве царя занимали «помимо истории, еще и правовые практики, а отнюдь не теоретические рассуждения… о праве»[13].

Итак, магистральной идеей в мировоззрении Петра I была идея достижения состояния всеобщего блага, стремление к общей пользе. При этом для царя не было различий в *государственной* пользе и *народной* пользе: они представлялись ему тождественными. Эту мысль он последовательно проводил в своих указах. Всеобщего блага можно было достичь с помощью правильно организованного, *регулярного* управления и правильного поведения всех членов общества, действовавших слаженно и согласно ради достижения общей цели. Примечательно, что само слово «регулярный» в значении «правиль-

[10] Воскресенский 1945. № 203.

[11] Из сочинений Христиана Вольфа в каталоге личной царской библиотеки зафиксировано лишь 2 экземпляра его «Elementa matheseos universale» – латиноязычных изданий, напечатанных в Галле и Магдебурге в 1713 и 1715 гг. соответственно. Библиотека Петра I 1978: 161.

[12] Основной теоретический труд Самуэля Пуфендорфа «De officiis hominis et civis» («О правах человека и гражданина») стал известен Петру только незадолго до смерти, в 1724 г. – Бугров, Киселев 2016: 95–96.

[13] Бугров, Киселев 2016: 91.

ный», «организованный», появляется в русском языке из латыни через польское опосредование именно в Петровскую эпоху, о чем свидетельствуют этимологические словари[14]. Как видно, в идее «регулярства» заключался мощный этатистский посыл, вера в то, что именно хорошо отлаженное государственное администрирование являлось своеобразным ключом к счастью. На государство и, в первую очередь, на государя, как на воплощение первого, возлагалась миссия создания условий для рационального управления материальными ресурсами и контроля над подданными, а также воспитание сам*и*х этих «полезных» подданных – просвещенных, нравственных, искусных в различных нужных «художествах», исполненных чувства долга к исполнению своих обязанностей.

Нетрудно увидеть в этих положениях постулаты, сформулированные ранними немецкими камералистами, логично соединившими в своих трактатах и передовые морально-философские воззрения[15], и «преимущественно механическое обобщение крупиц тривиальной административной мудрости», придавшие этим трактатам вид всеобъемлющей теории, «теории всего»[16]. Петру I камералистское учение было гораздо ближе, чем общие рассуждения о праве и морали именно благодаря своей внешней универсальности, ориентированности на практику в сочетании с «научностью»[17]. Экономическая составляющая камерализма, роднящая его с меркантилизмом, с присущими последнему протекционистскими мерами, ориентиром на импортозамещение в организации национального производства, нацеленным на достижение активного внешнеторгового баланса и мобилизацию внутреннего производственного потенциала, были хорошо известны царю по деятельности его предшественников (вспомним т.н. Новоторговый устав 1667 г., опыты с заведением текстильных и металлургических мануфактур и попытки реформирования денежной и налоговой систем). Знакомство Петра с административной или шире – «полицейской» составляющей камерализма[18] – было более слож-

[14] Фасмер 2009. Т. 3: 458; Шанский, Боброва 1994: 270.

[15] Идейная связь камерализма с трудами философов-рационалистов позднего Ренессанса и раннего Просвещения, а также с ранними сочинениями по политической экономии (главным образом, итальянскими), прослежена С.А. Рейнертом, исследовавшим источники творчества самой значимой фигуры немецкого камерализма второй половины XVII в. Ф.-Л. фон Зекендорфа. Reinert 2005: 277–278.

[16] Зубков 2013: 20.

[17] На эту универсальность указывал и фон Зекендорф: «В предисловии к “Немецкому княжескому государству” Зекендорф писал, что его мысли были адаптированы к потребностям государства среднего размера, но их легко приспособить *к любому* из государств “немецкой гражданской семьи”». – Reinert 2005: 278. Напротив, мысль о практической несостоятельности теоретических постулатов камералистов наиболее последовательно отстаивает Э. Уэйкфилд. – Wakefield 2009.

[18] Понимая под «полицейским» комплекс регулируемых государством мер по организации рациональной общественной деятельности. Позднее экономическая часть камералистского учения (точнее, вопросы управления экономикой) и его

ным. Его интерес к западным управленческим моделям прошел свою эволюцию и имел определенную специфику.

Ранний этап того, что мы по историографической традиции называем административными реформами, будь то т.н. первая городская реформа или первая губернская, она же областная реформа, дает очень мало информации, позволяющей говорить о стремлении монарха создать «хорошо организованное государство». Рискну предположить, что в эти годы (конец 1690-х – 1700-е, даже середина 1710-х гг.), царь и не ставил своей целью реформирование системы управления, тем более – в соответствии с некими передовыми западными образцами, если понимать под реформой осознанное и более или менее ясно декларированное *стремление к прогрессивным новациям*[19]. Что действительно стало объектом реформирования в модерном смысле этого понятия, так это вооруженные силы. Именно вооруженные силы, а не армия, потому что помимо регулярной армии, несопоставимо лучше организованной, чем это делалось царями Алексеем Михайловичем и Федором Алексеевичем, армии, включавшей в себя не только полевую пехоту и кавалерию, но и гарнизонные части, Петр I создал новый для России *вид* вооруженных сил – военно-морской флот. Это потребовало колоссального напряжения сил и беспрецедентной мобилизации ресурсов, тем более, что военная реформа шла в условиях затяжной войны с одним из сильнейших государств Европы того времени. Все усилия царя как организатора реформы были сосредоточены на проблеме материально-технического снабжения войск. Можно сказать, что в те годы вся страна стала приложением к вооруженным силам, что касалось также административной системы в самом широком смысле: все управленческие эксперименты указанных лет имели только одну цель – поиск средств. Этот утилитарный, фискальный смысл административных поисков 1700-х – первой половины 1710-х гг. впервые раскрыл П.Н. Милюков в исследовании губернского хозяйства. Единственной целью создания губерний было содержание за их счет «прикрепленных» к ним полков действующей армии. Еще ярче эта мысль подтверждается наблюдениями над функционированием административно-территориального аппарата губерний или аналогичных им образований, созданных *до* распространения губернского деления на всю страну (в первую очередь это касается Ингерманландской губернии 1702–1708 гг.). Нас не должно смущать усвоение в эти годы западных наименований, присвоенных должностным лицам и учреждениям новой администрации. Это были приме-

административная часть оформятся в рамках университетского набора дисциплин – камералистики, или камеральных наук (Kammeralwissenschaft), в Staatswirthschaft (государственная экономика) и Polizeiwissenschaft (полицеистика) соответственно. О позднем камерализме и камеральных науках, кроме классического труда Альбиона Смолла (Small, 1909), см., напр.: Tribe 1995; в том числе в России: Чаплыгина 2019: 80–94; Расков 2019: 62–79.

[19] См., например: Кром, Пименова 2013: 7–16.

ры простой подражательности, экземплификации, выполнявшей роль своеобразной культурной «мимикрии» – ее смысл сводился к тому, чтобы быть «как в других странах». Порой даже самому Петру не вполне был понятен действительный функционал тех или иных должностей в странах заимствования, как это было с должностью ландрихтеров образца 1707 г. или более поздних ландратов. За время существования первых «реформированных» администраций для них даже не было создано более или менее однотипных должностных инструкций. Не удивительно, что историки не могут найти и следов какого-либо «обдуманного и соображенного плана реформы» в эти годы. Гражданское управление в замыслах и действиях Петра имело вспомогательный характер по отношению к реформе вооруженных сил.

Но именно в ходе реформы вооруженных сил Петр приобретал практический опыт и теоретические познания, потенциально пригодные для реформы государственного аппарата, ориентированного на современные камералистские модели. Военное строительство на новых для России основаниях включало не просто переход к иным способам комплектования войск и применение передовых тактических приемов и вооружений. Организация управления, снабжения, правового регулирования и квартирования войск (включая и мирное время) стала хорошей школой администрирования, отработки техники нормативно-законодательного творчества и административного делопроизводства. Армия и флот стали для Петра *действующей моделью идеальной общественной организации*, устроенной в соответствии с идеями «регулярства» и служения «общественному благу»[20], а его познания в «натуральных науках», математике и ремеслах лишь усиливали убежденность в правильности действий. «Регулярному» государству предшествовала регулярная армия, и Петр, вовсе не из риторических побуждений, заявлял в преамбуле указа от 19 декабря 1718 г. (об учреждении коллегий): приведя в добрый порядок военные дела, он, «*управя оное*, и о земском правлении не пренебрег, но трудитца и сие в такой же порядок привесть, *как и воинское дело*»[21]. Управленческие новации, опробованные в войсках, применялись в сфере гражданского регулирования. Это касалось и первых опытов организации управления в фискально-финансовой сфере (институт комиссаров и провиантмейстеров – особых чиновников по денежным и продовольственным сборам и снабжению, учрежденный в армии и активно использовавшийся в гражданских учреждениях), и распространения норм Устава воинского в сферу общего судопроизводства[22], и широкого

[20] На то, что армия служила для Петра своеобразной моделью построения гражданской системы управления, указывали Е.В. Анисимов и Линдси Хьюз. Анисимов 2009: 133; Hughes 1998: 77–78.

[21] Воскресенский 1945. № 60.

[22] Указ о распространении норм Устава воинского на гражданские суды. Воскресенский 1945. № 38.

привлечения действующих и отставных офицеров, как наиболее подготовленных, приученных к «регулярству» управленцев на руководящих должностях госаппарата и судебно-следственных органов.

Беспрецедентной в сравнении с предшествовавшими военными преобразованиями стала работа по теоретическому обеспечению реформы войск. С первых лет XVIII в., по распоряжению Петра, начинаются целенаправленные выявление, отбор и приобретение текстов, содержавших сведения о структуре и принципах военного и военно-административного устройства практически всех значимых европейских государств: Священной Римской империи, Дании, Англии, Шотландии, Швеции, Голландии, Испании, Франции, Пруссии. Но уже в это время заметен интерес Петра к вопросам организации собственно *государственного управления*. Судя по тематике книг, приобретаемых по распоряжению царя, среди сочинений по военному праву и военному делу, были и издания гражданских законодательных актов западных стран. Так, из 36 книг на французском и латыни, закупленных в 1702 г., 10 содержали различные образцы французского законодательства[23]. Подробное описание организации гражданского и военного управления во Франции привез государю в мае 1709 г. А.А. Матвеев, бывший в 1705–1706 гг. русским резидентом при версальском дворе[24]. Анализ этих текстов, их систематизация, подготовка на их основе разнообразных «экстрактов» и сводных документов, оценка их пригодности для использования в России – вся та огромная работа, которая велась при личном участии Петра I, стала основой для вызревания его взглядов на государство *как правильно организованную систему* со специализированным и унифицированным управлением, рациональным ведением хозяйства и столь же рационально организованным обществом. Со временем внимание царя к государственным установлениям западных стран становилось все отчетливей, а сбор информации об организации управления – подлинно масштабным. Историки единодушно отмечают, что такой разворот к проблематике государственного строительства происходит у Петра в 1712–1715 гг., но, конечно, какой-то жесткой хронологической грани установить в этом отношении невозможно. Хотя основным источником информации о камералистских принципах управления для Петра оставались нормативно-законодательные акты различных государств, он не обходит вниманием и специальные обобщающие труды камералистов.

В его личной библиотеке выявляется небольшая, но очень показательная тематическая подборка такого рода литературы. Пожалуй, одним из первых камералистских сочинений, попавших в руки государя, стало «Fürstliche Macht-Kunst, oder Unerschöpfliche Gold-Grube, wodurch in Fürst sich kann mächtig und seine Unterthanen reich machen» Генриха фон Боде, профессора права в университете Галле, главном

[23] Бугров, Киселев 2016: 83.
[24] Законодательные акты 2020. № 99.

центре немецкого камерализма, изданное в Вайсенфельсе в 1703 г. Этот самый значительный труд фон Боде государь высоко ценил: с книги был сделан рукописный перевод под названием «Княжеских сил хитрость, или неисчерпаемый златый кладезь, чрез который государь сильным себя учинить и подданных своих обогатить может»[25]. Петр даже распорядился напечатать книгу на русском, но это намерение оказалось по каким-то причинам нереализованным[26]. Государь был знаком с творчеством Иоганна-Иоахима Бехера, одного из влиятельных теоретиков австрийского камерализма второй половины XVII в. Хотя в каталоге царской библиотеки не зафиксирован главный труд Бехера, «Politisch» 1667 г., но имелось другое сочинение, более «прикладного» характера: «Närische Weisheit und weise Narrheit, oder ein Hundert so politische, als physicalische, mechanische und mercantilische Concepten...» франкфуртского издания 1683 г. карманного формата в 12 долю листа[27].

Представления Петра о новациях в области права пополняли сочинения Бенедикта Карпцова (младшего), профессора Лейпцигского университета и заседателя лейпцигского верховного суда, признанного впоследствии основателем современного немецкого права, в т.ч. его «Jurisprudentia ecclesiastica, seu consistorialis rerum et questionum in… principis electoris Saxon...» – первое систематическое изложение протестантского церковного права, и «Responsa juris electoralia in... archiprincipis electoris Saxon...», изданные в 1685 и 1683 гг. соответственно[28]. К ним тематически примыкал 8-томный «Словарь филополитический, Или политический сундук сокровищ» («Thesauri Philopolitici. Oder: Politisches Schatz-Kästlein», Франкфурт, 1627–1631) Иоганна-Филиппа Абелина, писавшего под псевдонимом Иоганна-Людвига Готфрида, знаменитого основателя и издателя «Theatrum Europaeum», временник*а* по новейшей истории и международной политике[29]. Не это ли издание имел в виду Петр, когда в 1715 г., кому-то из своих зарубежных дипломатических агентов поручал узнать имя автора «Универсального лексикона», который следовало приобрести в Праге и перевести на русский А. Веселовскому, царскому резиденту при венском императорском дворе[30]?

Наконец, экономическая литература камералистского толка была представлена в петровской библиотеке настоящим «бестселлером» – новейшим сочинением Джона Лоо (или Жана Лауса, как на французский лад именовался этот финансовый гений и любимец регента, герцога Филиппа Орлеанского) «Considération sur le commerce et sur

[25] Библиотека Петра I 1978: 21; нем. оригинал на с. 112.
[26] Бугров, Киселев 2016: 102.
[27] Библиотека Петра I 1978: 109.
[28] Там же: 115.
[29] Библиотека Петра I 1978: 126.
[30] Воскресенский 1945. № 47.

l'argent», изданным в переводе с английского в 1720 г. Там же имелся рукописный русский перевод, осуществленный кн. И.А. Щербатовым и поднесенный Петру в том же году: «Деньги и купечество… чрез Ивана Ляуса, ныне управителя королевского банку в Париже»[31]. Какое-то представление имел царь и о новейшем фундаментальном труде по полицеистике: «Traité de la police» Николя Деламара, этой, по словам А.Е. Назимова, энциклопедии по французскому полицейскому праву XVIII в.[32] Как выяснил Н.А. Воскресенский, ряд положений из этого труда вошел в петровский Регламент, или устав Главного магистрата 1721 г.[33] Если добавить к этому списку классическое сочинение Факсардо Диего де Сааведры «Idea principis christiano-politici in centum symbolis expressa» (Брюссель, 1649) и его рукописный перевод 1707–1709 гг. Феофана Прокоповича («Изображение Христиана политического властелина, символами объясненное от Дидакоа Саведры Факсарда, ныне же с латинского на диалект русский переведенное»), то станет понятно, что Петр I имел возможность выработать собственное мнение о камералистском учении не только на основании уставов и регламентов западноевропейских стран.

«Регулярство», как фундамент государственного устройства, залог успешного развития даже при ограниченных ресурсах, стало к рубежу 1710-х –1720-х гг. глубоким убеждением монарха, которое он старался донести до своих подданных, даже тех, кому было не по силам освоить назидательные сентенции преамбул и «экспликаций» его указов. В записных книжках Петра, в которых он обычно коротко фиксировал разные мысли, пригодные для дальнейшей реализации, можно найти сделанную, вероятно, в 1718 г. запись: «Чтоб мужикам зделат какой маленкой регул и читать по церквам для вразумления»[34]. А во время работы над очередной редакцией Табели о рангах, видимо, в 1721 г., император многозначительно заметил: «Гишпания многия земли, флоты, войска имела, но понеже *регулярного разделения* и *учрежденное управление в советах не было*, и для того оная великая махина и сила *во времянное умаление… пришла…*»[35].

Когда в декабре 1718 г. Петр объявил о намерении привести в доброе состояние «земское управление», он уже точно представлял, какое государство будет строить.

[31] Библиотека Петра I 1978: 34, 133.
[32] Назимов 1903: 18.
[33] Воскресенский 2017: 471. Выдержку из «Traité de la police» (т. 1, кн. 1, титул 1, гл. 1) на французском языке с русским переводом находим в рабочих документах Петра I, использованных при подготовке текста Регламента Главного магистрата. Воскресенский 2020. № 212. Правда, насколько глубоко было знакомство царя с этим трудом, был ли он вообще в его распоряжении, или монарх пользовался только какими-то переведенными фрагментами, вроде вышеупомянутого, сказать невозможно. В библиотеке Петра этой книги нет.
[34] Воскресенский 1945. № 67.
[35] Воскресенский 2020. № 43.

«Российское имперское государство»

По традиции, говоря о петровских реформах последних лет его царствования, историки выделяют среди них коллежскую реформу, реформу Сената, судебную реформу, вторую областную реформу и др. Между тем, все они являлись составляющими одной большой реформы государственного управления, связанные единой целью, общей идеологией, и имели взаимодополняющий характер. Законодательное обеспечение этой реформы состояло в принятии серии указов, инструкций и регламентов, написанных при непосредственном участии Петра I или просто им самим, прошедших его редактирование и имевших, как сейчас бы сказали, пакетный характер. Большинство из этих законодательных актов были созданы в достаточно коротком временном диапазоне между 1718 и 1724 г. В них можно видеть некий *авторский мегатекст*, единое дискурсивное целое, не только нормативную основу, но также идейную концепцию, в соответствии с которой должны были развиваться отношения власти и общества. Если объединить весь этот нарратив под одной обложкой, дать общее наименование, сгруппировать указы и регламенты по тематическим разделам в виде частей и глав со своими названиями, снабдить введением и заключением, то мы получим солидный камералистский трактат, не уступающий лучшим зарубежным образцам жанра. Файт-Людвиг фон Зекендорф, этот, по выражению Альбиона Смолла, «Адам Смит камерализма»[36], назвал свой главный труд «Teutscher Fürstenstaat» («Немецкое княжеское государство»). «Трактат», составленный предложенным образом из петровских указов, можно было бы по аналогии назвать «Российским имперским государством» («Russischer Reichsstaat»). В нем мы и увидим петровский взгляд на свою империю, то самое «ментальное государство» Петра Великого. Так что же оно представляло собой в основных чертах?

Прежде всего, в полном соответствии с камералистской идеей, оно основано на мудрых установлениях, данных государем, – тех самых «правах гражданских», которые всем должно неукоснительно и в точности исполнять. Всякого рода толкователи законов (в петровской логике – уставов и регламентов) уподоблялись карточным шулерам, прибирающим «масть к масти». Любые вопросы, возникающие в связи с исполнением узаконений (в т.ч. в связи с наличием в них «темных мест»), разрешаются исключительно монархом[37]. Правильное управление, установленное государем «по примеру других христианских областей», есть залог порядка. Оно введено «ради ис-

[36] «To assist in fixing landmarks, we may say than Seckendorff was the Adam Smith of cameralism». Small 1909: 69.

[37] Указ «О хранении прав гражданских» от 17 апреля 1722 г. ПСЗ. Т. 6. № 3970. Подобное понимание законов как свода обязывающих норм и запрет на их толкование были присущи всем абсолютным монархам Европы XVIII в.; Р. Уортман называет этот феномен «антилегализмом». Уортман 2004. С.

правного определения и исчисления… приходов, и поправления полезной юстиции и полиции (то есть в расправе судной и гражданстве), такожде ради возможного охранения своих верных подданных, и содержания своих морских и сухопутных войск в добром состоянии, тако ж коммерции, художеств и мануфактур, и доброго учреждения своих морских и земских пошлин, и ради умножения и приращения рудокопных заводов и прочих государственных нужд…»[38].

Всё полезное государству оказывается полезным и народу, а всякое «похищение государственных интересов» влечет «бедственные народные тягости», отчего «многие всяких чинов люди, а наипаче крестьяне, приходят в разорение и бедность»[39]. Подданные «Российского имперского государства» являют собой образец добродетелей: они нравственны, трудолюбивы, склонны к просвещению и «размножению» всяких «полезных художеств». В их рядах нет места нищим, странникам, юродивым – всем тем категориям, которые были вполне приемлемы и даже нужны в прежней, традиционной социальности, поскольку фактом своего существования поощряли к христианскому милосердию, указывали на несовершенство мирских ценностей, обличали сильных мира сего и подавали пример смирения[40]. В камералистском «ментальном государстве» они становились лишними, ибо были непригодны для деятельности во имя всеобщего блага. Физически немощным был путь в богадельню, где они находили призрение благодетельной полиции и «доброго гражданства», а физически годным – принудительный труд в работных домах и солдатская служба.

В этом государстве доходы казны растут «без тягости народной»[41], с учетом «особливого состояния» всех «народов и провинций». для чего правительственные учреждения располагают исчерпывающими сведениями о ресурсах страны: «о натуре (природе), о ситуации (состоянии), о расположении, о расходах и оброчных статьях государства»[42]; имеют «генеральные и партикулярные ландкарты» с описанием «всех границ, рек, городов, местечек, церквей, деревень, лесов и прочего»[43]; поощряют жителей к полезным занятиям, таким как развитие «рудокопных заводов», от «прилежного устройства» ко-

[38] Генеральный регламент (Преамбула) от 28 февраля 1720 г. ПСЗ. Т. 6. № 3534.
[39] Указ «О разных государственных сборах, о наказаниях хищников за взятки лишением имения и живота» от 22 июня 1720 г. ПСЗ. Т. 6. № 3601.
[40] См., напр.: «Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии. Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим…». 1Кор. 4:10.
[41] Указ «О разных государственных сборах, о наказаниях хищников за взятки лишением имения и живота» от 22 июня 1720 г. ПСЗ. Т. 6. № 3601.
[42] Регламент Камер-коллегии от 11 декабря 1719 г. ПСЗ. Т. 5. № 3466.
[43] Генеральный регламент от 28 февраля 1720 г. ПСЗ. Т. 6. № 3534. О том же более подробно: Регламент, или устав главного магистрата от 16 января 1721 г. Гл. III. О состоянии городов. ПСЗ. Т. 6. № 3708.

торых «земля обогатеет и процветет, также пустые и безплодные места многолюдством населятся»[44]. Развитие собственного производства, поддержание активного внешнеторгового баланса через тарифную политику и поощрение промышленников и купечества – основа экономической деятельности власти: «Надлежит смотреть в подрядах и в покупке материалов, ружья и аммуниции, чтоб оное все было своего государства, кроме тех, которых в своем государстве сыскать невозможно, или и есть, да негодное; и ежели возможно, то что б и выписывать из чужих государств чрез своих купцов»[45].

Петровское государство – унифицированное, «статистически» организованное административное пространство. В его основе лежат дистрикты – административно-территориальные единицы («на манер шведского») с примерно равным количеством проживающих в них налогоплательщиков, снабжающих материальными ресурсами государство без «излишнего для себя отягощения»; они сменили хаотично и спонтанно возникавшие разнокалиберные уезды прежней России.

Это пространство пронизывает благоустроенная дорожная сеть – «для отправления всяких посылаемых из Сената, из коллегей указов и протчих писем и воспринимания на оные ответов»[46]. Законодательные импульсы из столицы достигают провинциальных административных центров быстро, ответные действия и отчеты об исполнении возвращаются в столицу незамедлительно. «…На все указы, когда где кто получит, на другой день тотчас ответствовать, что оной принят, и по оному что мочно в какое время сделать или что не мочно и зачем (т.е. по какой причине. – *Д.Р.*)» – категорически определяет именной указ от 19 марта 1719 г.[47] Впрочем, транспортные коммуникации призваны служить не только казенным надобностям. Вдоль них расположены постоялые дворы, обеспеченные необходимыми удобствами и запасами фуража и продовольствия: всякий проезжающий может воспользоваться этим по умеренным и справедливым ценам[48].

Основной принцип управления в «ментальном государстве» Петра Великого – конечно же, коллегиальный. Он торжествует во всей полноте в указах и регламентах конца 1710-х – 1720-х гг., монополизируя центральный аппарат, реализуясь в системе коллегий, хотя и несколько отступая на местном уровне власти.

Другой принцип управления, вместе с коллегиальностью формирующий основу «ментального государства» Петра – принцип спе-

[44] Указ «Об учреждении Берг-коллегии» (Берг-привилегия) от 10 декабря 1719 г. ПСЗ. Т. 5. № 3464.

[45] Регламент Адмиралтейства и верфи от 5 апреля 1722 г. (Гл. I. О должности Адмиралтейской коллегии, п. 17). ПСЗ. Т. 6. № 3937.

[46] Из текста именного указа от 30 апреля 1719 г. об улучшении почтового сообщения. ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 439. Л. 22–22 об.

[47] РГАДА. Ф. 248. Кн. 17. Л. 390.

[48] Инструкция, или наказ воеводам, январь 1719 г., п. 18. ПСЗ. Т. 5. № 3294.

циализации управленческих функций. Специализация управления видна во всем. Она перестраивает центральный коллежский аппарат, группируя коллегии в ведомственные блоки: военный, дипломатический, финансовый, промышленный, торговый, юридический. Сообразно специализации центральных органов власти организуются ведомственные управленческие вертикали на местах: от губернии / провинции до уезда / дистрикта; особенно четко заметны эти специализированные институции в финансовом, судебном, промышленном и военном (с момента развертывания полковых канцелярий и канцелярий сбора подушной подати) ведомствах.

Воображаемую государственную машину обслуживают многочисленные чиновники. Они носят новые, непривычные русскому уху наименования, настолько непривычные, что время от времени к указам приходится прилагать пояснения, подыскивать иностранным словам русские аналоги. Эти чиновники получают фиксированное жалованье за свой специфический труд. Им строжайше запрещается принимать, а тем более вымогать с населения любые виды частного вознаграждения. Их служебная деятельность тщательно продумана и законодательно организована должностными инструкциями, коллежскими и Генеральным регламентами.

Особая миссия лежит на местных управленцах, ведь они непосредственно олицетворяют регулярное государство в глазах населения. Помимо своих прямых обязанностей: организации обороны вверенных территорий, сбора податей, контроля над исправлением натуральных повинностей и обеспечения бесперебойного и правильно устроенного документооборота, инструкции возлагают на них широкий круг забот, связанных с благоустройством жизни и организации образования и нравственного воспитания народа.

Вероятно, первоначально у Петра I была мысль более последовательного разделения функций чиновничества. Помимо вышеперечисленных специализаций в сферах финансов, юстиции, торговли, промышленности и военного администрирования, он присматривался к возможности создания отдельных полицейских должностей, понимая их в самом широком камералистском духе, а камералистские трактаты относили полицейское управление к категории фундаментальных. Во всяком случае, работая над выписками и справками из иностранного законодательства при разработке Табели о рангах, император среди различных гражданских должностей особо выделил т.н. «полицеимастеров советников», о которых записал: «В моралиах, в политике и в экономии ученныя люди суть, оне учреждение чинят, которое к благоповедению всего государства касаетца, дабы подданныя в покое и в довольстве жили, дабы городы и поля дворами, мостами, корчмами, улицами, колодцами снабдены, и дабы безбожныя люди, гуляки к работе навыкали, и все дороги безопасны учинены

были. И для того оне в назначенныя им уезды по деревням ездят, смотрят, и примеченныя погрешения доводят и о всех доносят»[49]. Однако в конечных вариантах сочиненного Петром государства, никаких особых «полицейских советников» не появилось. Исключение составило столичное управление, в структуре которого в 1718 г. была учреждена должность генерал-полицмейстера[50]. Законодателем также мыслилось распространение полицейского управления на все российские города: слишком уж важна была идея Polizeistaat для достижения общественного блага. В результате, в Регламенте Главного магистрата 1720 г. появилось положение о полиции, значимость которой под пером венценосного автора приобрела универсальное значение, особенно в первой, наиболее пространной редакции, а фраза: «полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков, и фундаменталной подпор человеческой безопасности и удобности», стала одной из самых ярких и узнаваемых петровских метафор[51].

Тем не менее, широкие полицейские функции оказались возложены на лиц местной администрации общего и камерального профилей. Их попечению вверяется устройство и поддержание в порядке сухопутных и водных транспортных коммуникаций; учреждение и содержание постоялых дворов; надзор за ценами на продовольствие и фураж. Губернаторам и воеводам следовало иметь смотрение над академиями, школами и госпиталями (в «ментальном государстве» они имели, вероятно, широкое распространение), а земские комиссары, оказывается, были должны побуждать подданных «к правде и справедливости ко всем людям», воспитывая в них склонность «к добрым поступкам», «страху Божию и добродетели» и потребность к обучению своих детей «читанию и письму»[52]. Да и могло ли

[49] Законодательные акты 2020. № 43.

[50] См. «Пункты» (инструкцию) Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру от 25 мая 1718 г. ПСЗ. Т. 5. № 3203.

[51] Петр тщательно оттачивал эту фразу, вошедшую в беловой текст регламента. В черновом варианте она имела не столь совершенный вид и читалась так: «…полиция есть душа *гражданского обхождения*, и всех добрых порядков, и *фундамент подпори человеческого обхождения, хранения и благодеяние*». Регламент Главного магистрата. Гл. Х. О делах полицейских. Первая – А – редакция 1720 г. Законодательные акты 2020. № 208.

[52] Инструкция, или наказ воеводам, п. 4, 15. ПСЗ. Т. 5. № 3294. Нормы этой инструкции распространялись и на губернаторов, что было подтверждено отдельным указом в том же 1719 г. ПСЗ. Т. 5. № 3381. Обязанности земских комиссаров регламентировались Инструкцией, или наказом земским комиссарам, в частности, п. 19.1, 19.2, 20. ПСЗ. Т. 5. № 3295. Все эти сентенции об обязанностях местных администраторов способствовать просвещению и моральному воспитанию населения непосредственно навеяны шведской Инструкцией ландсгевдингам, добыть которую удалось через одного из агентов Я.В. Брюса в ноябре 1718 г. Расхваливая полезность этой инструкции и прося средств для расчета с агентом, Брюс, в частности, пояснял, что она важна и тем, что в ней описано «…также и о всяких земских и гражданских делех подробно, о академиах, о госпиталях, о школах, о си-

быть иначе, если «…академии и школы сочиняют новой народ и новой свет, как мы во многих иных эвропейских нациях видим… Сей есть главнейший пункт всей полицеи и единая из главных должностей высоких правителей»[53].

Наконец, все это великолепие и процветание охраняют от внешних посягательств мощные армия и флот, деятельность которых, по самой сути «хорошо организованная», детальнейшим образом регламентирована уставами: Воинским, Морским и Регламентом Адмиралтейства и верфи.

***

Конечно, Петр не был так наивен, чтобы не понимать некоторой иллюзорности созданной им концепции. Многое в указах и регламентах этого периода прямо указывает на то, что заложенные в них идеи воспринимались императором как перспектива, что модель его государства задана «на вырост». «Такое новое дело невозможно везде вдруг, или все в один раз учредить, ибо одна конфузия одной следовать будет», – написал он в одной из заключительных глав первой редакции Регламента Главного магистрата[54]. Эти слова справедливо отнести ко всему, декларированному в текстах последних лет его царствования. Более того, многие собственные его действия, предпринимаемые на практике, разрушали целостность заявленной концепции, плохо с ней сочетались и, в конечном итоге, привели к кризису всей системы управления, разрешать который пришлось его ближайшим преемникам и недавним соратникам[55]. Но значение написанного Петром заключается не в этом.

Став в результате длительной эволюции убежденным камералистом и предприняв к концу жизни грандиозный труд по преобразованию системы государственного управления, монарх разработал не просто перспективную программу реформ. Под его пером обрела отчетливые очертания *новая государственная идея*.

Петр больше не занимался созиданием священного царства, как это несколько столетий ранее начали делать его предшественники. Он осознанно провозгласил строительство государства всеобщего блага, которое должно было стать в одном ряду с процветающими и политичными державами «христианства». Хороша ли была эта идея, выиграла или проиграла от этого Россия, чего лишилась, а что приобрела – вопросы совершенно другого порядка. Но мобилизующее зна-

ротстве, о нищих и гулящих людех, о содержании мостов и дорог, о почтах, о рудокопных и протчих делех, вкратце сказать – о всем, что принадлежит ко владению и употреблению губернии». Воскресенский 1945. № 53.

[53] Регламент Главного магистрата. Гл. XXIV. О школах. Первая – А – редакция 1720 г. Законодательные акты 2020. № 208.

[54] Там же. Гл. XXVII. О порядке, которой при сем учреждении внимать надлежит. Первая – А – редакция 1720 г. Законодательные акты 2020. № 208.

[55] Редин 2016: 190–216.

чение такого рода идей, даже ложных (и – увы – чаще всего ложных), нам, пережившим XX век, хорошо понятно. «Ментальное государство» Петра Великого сумело интегрировать вокруг себя российские элиты на доброе столетие вперед, а его импульсы заметны, по крайней мере, еще в министерской реформе начала XIX в.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Анисимов Е.В. Петр Великий. Личность и реформы. СПб.: Изд-во «Питер», 2009. 600 с. [Anisimov E.V. Petr Velikij. Lichnost' i reformy. SPb.: «Piter», 2009. 600 s.].

Библиотека Петра I (указатель-справочник) / Под ред. Д.С. Лихачева; сост. Е.И. Боброва. Л.: Изд. отдел БАН СССР, 1978. 214 с. [Biblioteka Petra I (ukazatel'-spravochnik) / Pod red. D.S. Lihacheva; sost. E.I. Bobrova. L.: Izd. otdel BAN SSSR, 1978. 214 s.].

Бугров К.Д., Киселев М.А. *Естественное право* и *добродетель*: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII в. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2016. 480 с. [Bugrov K.D., Kiselev M.A. *Estestvennoe pravo* i *dobrodetel'*: Integraciya evropejskogo vliyaniya v rossijskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII v. Ekaterinburg: Izd. Ural. un-ta, 2016. 480 s. (B-ka Quaestio Rossica)].

Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники / Под ред. и с предисл. Б.И. Сыромятникова. Т. I. Акты о высших государственных установлениях. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1945. 601 [1] с., ил. [Voskresenskij N.A. Zakonodatel'nye akty Petra I. Redakcii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki / Pod red. i s predisl. B.I. Syromyatnikova. T. I. Akty o vysshih gosudarstvennyh ustanovleniyah. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1945. 601 [1] s., il.].

Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века / Науч. ред. и вступ. статья Д.О. Серова. М.: НЛО, 2017. 640 с. [Voskresenskij N.A. Petr Velikij kak zakonodatel'. Issledovanie zakonodatel'nogo processa v Rossii v epohu reform pervoj chetverti XVIII veka / Nauch. red. i vstup. stat'ya D.O. Serova. M.: NLO, 2017. 640 s.].

Вульпиус Р. К семантике *империи* в России XVIII века: понятийное поле *цивилизации* // «Понятия о Росии»: К исторической семантике имперского периода. М.: НЛО, 2012. Т. II. С. 50–70. [Vul'pius R. K semantike *imperii* v Rossii XVIII veka: ponyatijnoe pole *civilizacii* // «Ponyatiya o Rossii»: K istoricheskoj semantike imperskogo perioda. M.: NLO, 2012. T. II. S. 50–70.].

Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. В 3 т. / Сост. Н.А. Воскресенский. Т. II. Акты об общественных классах. Т. III. Акты о промышленности и торговле / Отв. ред. А.В. Анисимов; предисл. И подгот. текста Д.О. Серов; археограф. Предисл. А.А. Богданов. М.: Древлехранилище, 2020 [Zakonodatel'nye akty Petra I. Redakcii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki. V 3 t. / Sost. N.A. Voskresenskij. T. II. Akty ob obshchestvennyh klassah. T. III. Akty o promyshlennosti i torgovle / Otv. red. A.V. Anisimov; predisl. I podgot. teksta D.O. Serov; arheograf. predisl. A.A. Bogdanov. M.: Drevlekhranilishche, 2020]

Зубков К.И. Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 20–29. [Zubkov K.I. Kameralizm kak model' vzaimodejstviya gosudarstva i obshchestva: novoe prochtenie // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2013. № 3 (40). S. 20–29.].

Кром М.М., Пименова Л.А. Феномен реформ в Европе раннего Нового времени (вместо предисловия) // Феномен реформ на Западе и Востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / Под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 7–16 [Krom M.M., Pimenova L.A. Fenomen reform v Evrope rannego Novogo vremeni (vmesto predisloviya) // Fenomen reform na Zapade i Vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI–XVIII vv.) / Pod red. M.M. Kroma, L.A. Pimenovoj. SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2013. S. 7–16].

Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. / Отв. ред. А.И. Клибанов; подгот. текста М.Ю. Сорокина, Л.А. Черная. М.: Наука, 1990. 293 с. [Lappo-Danilevskij A.S. Istoriya russkoj obshchestvennoj mysli i kul'tury XVII–XVIII vv. / Otv. red. A.I. Klibanov; podgot. teksta M.Yu. Sorokina, L.A. Chernaya. M.: Nauka, 1990. 293 s.].

Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития её культуры и политики / Пред. М.Ю. Сорокиной; подгот. текста М.Ю. Сорокиной при уч. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Köln: Böhlau, 2005. 462 [32] с. [Lappo-Danilevskij A.S. Istoriya politicheskih idej v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchim hodom razvitiya eyo kul'tury i politiki / Pred. M.Yu. Sorokinoj; podgot. teksta M.Yu. Sorokinoj pri uch. K.Yu. Lappo-Danilevskogo. Köln: Böhlau, 2005. 462 [32] s.].

Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 13–348. [Lotman Yu.M. Ocherki po istorii russkoj kul'tury XVIII – nachala XIX veka // Iz istorii russkoj kul'tury. T. IV (XVIII – nachalo XIX veka). 2-e izd. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 13–348.].

Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII – XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Имперский период. Антология / Сост. Майкл Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2000. С. 48–79. [Raev M. Regulyarnoe policejskoe gosudarstvo i ponyatie modernizma v Evrope XVII – XVIII vekov: popytka sravnitel'nogo podhoda k probleme // Amerikanskaya rusistika. Imperskij period. Antologiya / Sost. Majkl Devid-Foks. Samara: Izd-vo Samarskogo un-ta, 2000. S. 48–79.].

Расков Д.Е. Камерализм книг: переводы Юсти в России XVIII века // Terra Economicus. 2019. № 17 (4). С. 62–79. [Raskov D.E. Kameralizm knig: perevody Yusti v Rossii XVIII veka // Terra Economicus. 2019. № 17 (4). S. 62–79.].

Редин Д.А. Эффективность местного управления в Петровскую эпоху: парадоксы централизации // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4. № 3. С. 190–216. [Redin D.A. Effektivnost' mestnogo upravleniya v Petrovskuyu epohu: paradoksy centralizacii // Quaestio Rossica. 2016. T. 4. № 3. S. 190–216.].

Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: НЛО, 2004. 515 [1] с. [Wortman R. S. Vlastiteli i sudii: razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoj Rossii. M.: NLO, 2004. 515 [1] s.].

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 4-е изд-е. М.: Астрель; АСТ, 2009. Т. 3. 830 [2] с. [Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. V 4 t. 4-e izd-e. M.: Astrel'; AST, 2009. T. 3. 830 [2] s.].

Чаплыгина И.Г. Камерализм и экономические дисциплины в Московском университете XVIII века // Terra Economicus. 2019. № 17 (4). С. 80–94. [Chaplygina I.G. Kameralizm i ekonomicheskie discipliny v Moskovskom universitete XVIII veka // Terra Economicus. 2019. № 17 (4). S. 80–94.].

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 400 с. [Shanskij N.M., Bobrova T.A. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. M.: Prozerpina, 1994. 400 s.].

Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven; L.: Yale U.P., 1998. 602 p.

Reinert S.A. Cameralism and Commercial Rivalry: Nathionbuilding through Economic Autarky in Secendorff's 1665 Additiones // European Journal of Law and Economics. 2005. № 19. P. 271–286.

Small A.W. The Cameralists. The Pioneers of German Social Polity. Chicago: University of Chicago Press, 1909. 606 p.

Tribe K. Strategies of Economic Order. German Economic Discourse, 1750–1950. N.Y: Cambridge University Press, 1995. 285 p.

Wakefield A. The Disordered Polise State. Chicago: Un-ty of Chicago Press, 2009. 240 p.

***Редин Дмитрий Алексеевич**, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, заведующий лабораторией эдиционной археографии, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет; volot@mail.ru*

Charm of "Regularity" Once again about the "Mental State" of the Peter the Great. Part 2. "The Russian imperial state"*

The study is devoted to the history of the evolution of the views of Peter I on the problems of state and social development. In the scientific literature, the prevailing opinion is that the Russian tsar did not possess the ability to conceptual generalizations; but the article proves that he had sufficient intellectual potential for this kind of creativity. The absence of any general reform plan from the 1690s to the late 1710s the author of the article explains that in these years the tsar did not pursue the goal of global transformation. The main object of his attention was the reform of the armed forces and changes in the management system and organization of the economy were only a function of this reform. However, in the last years of his life, under the influence of the successes of military reform and his acquaintance with the vast and heterogeneous array of Western Renaissance and Baroque literature, the tsar developed a holistic and idealized view of the problems of state reform. The author of the article calls him the "mental" or "fancied" state of Peter the Great. It was not a theory of the state, but a certain concept of state building, based on a sufficiently deep and consistent assimilation by the tsar of the postulates of early European cameralism. He stated it in a series of personal decrees, charters and regulations of 1718-1724, which should be considered as the author's megatext of Peter. At the same time, this concept began to play the role of a state idea, replacing the traditional idea of building the holy kingdom for the Russian ruling elite. Not implemented during the life of the first Russian emperor, the conceptual provisions formulated by him became a program guide for state building and social development for a century ahead.

Keywords: Peter I, "mental state", pragmatic thinking, concept, state building, state idea, public good, cameralism

***Dmitry A. Redin**, Dr. Sc. (History), Professor, Department of Russian History, Head of the Laboratory of Primary Sources Research, Ural Humanitarian Institute of the Ural Federal University; volot@mail.ru*

* This article was prepared with the support of the RFBR grant No. 20-09-42022 «"The Mental State" of Peter the Great and experiments of regional administration. The first quarter of the XVIII century».